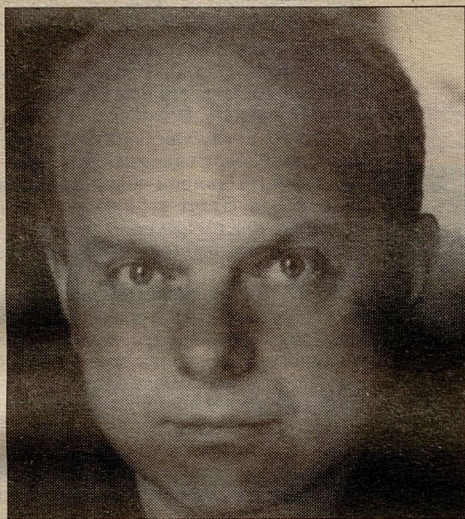

ФЕСТИВАЛИ

Деклан
ДОННЕЛЛАН

— Я думаю, что Пушкин — великий писатель для всех, точно так же, как Шекспир — великий писатель для всех. Я категорически отрицаю мысль о том, что Пушкин писал некие гностические тексты для избранных. Проблемы академического изучения творчества писателя сходны с проблемами фундаментализма в религии. Между тем, Иисус постоянно призывает нас следовать не букве, а духу Закона, Иисус отвергает фундаментализм. Не нужно думать, что Пушкин писал фундаменталистские тексты, понятные только русским. Не думаю, что вообще существует такое понятие — русские, англичане, ирландцы. Это очень удобные обобщения для тех, кто имеет власть. Я могу вам сказать: вы никогда не поймете Ирландию. А вы мне можете сказать: вы никогда не поймете Россию. Я тоже могу сказать, что вы — русские, никогда не поймете Россию. На самом деле, мы не должны думать, что мы — какие-то особенные.

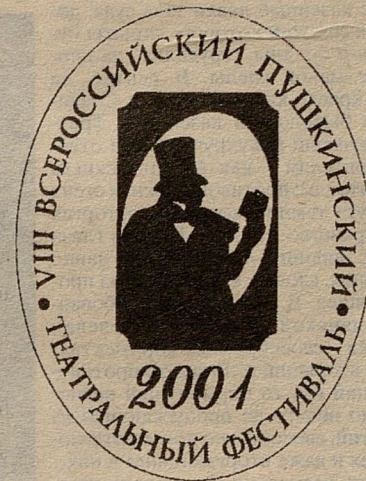
На могиле Александра Сергеевича я слышал выступление. В чем-то могу с ним согласиться. Во многих странах происходит глобализация культуры. Но очень опасно сводить все к антиамериканизму. Я терпеть не могу ездить в Америку и очень люблю бывать в России. Но корни капитализма не связаны с Пентагоном, они связаны с эгоизмом людей. И без всякой экспансии Америки, начавшейся для нас в 1986 году, вы и сами могли уничтожить вашу культуру, поверьте. В каждой стране я слышу одни и те же слова: "Наша культура гибнет, и виной тому ужасная Америка!" То же происходит и в Англии. У нас, в отличие от вас, нет защиты языка. У вас другой алфавит — серьезная защита. На эту тему я уже говорил на многих конференциях, куда меня приглашали. У меня уже выработался рефлекс — при виде микрофона я начинаю говорить о глобализации культуры.

Я затронул эту тему потому, что многие удивляются, что я, ирландец, вернее мои родители из Ирландии, я вырос в Лондоне) взял для постановки русскую пьесу. И у вас, и у нас любят навешивать ярлыки, не имеющие ничего общего с творческим процессом. Как только я слышу фразы, типа: как это необычно, что английский режиссер берется за рус-

«Пушкин — великий писатель для всех»

Экран 4 сентябрь - 2001 - Март (~9) - 4, 6, 7

Спектаклем "Евгений Онегин" Московского театра на Таганке в постановке Юрия Любимова завершился ежегодный, Всероссийский Пушкинский фестиваль во Пскове. В этом году он проводился в восьмой раз и принимал гостей издалека. Из заполярного Норильска (коллектив под руководством Александра Зыкова едва успел к спектаклю, артисты героически играли "с колес" сразу после монтировки), из далекого Нерюнгри (южная Якутия). Фестиваль начался в Пушкинских горах в Святогорском монастыре. У могилы Поэта служили литию, возлагали цветы. Непременный участник фестиваля Валентин Непомнящий в своей речи говорил об особом отношении русских людей к национальному гению, чье творчество непереводимо на другие языки мира, об опасности западной, прежде всего американской, массовой культуры. Точку над i в споре о непереводимости Пушкина поставил "Борис Годунов" английского режиссера Деклана Доннеллана. Показ "Бориса" в Научно-Культурном Центре Пушкинских гор — важнейшее событие в истории фестиваля и в жизни самого спектакля антрепризы Международной Конфедерации театральных союзов. За несколько часов до начала артисты стояли у могилы Пушкина, их взволнованность и сосредоточенность бросались в глаза. Эти впечатления не могли не сказаться в спектакле. Впрочем, дело не только в настроении момента. Сегодня очевидно, что "Борис" был поставлен на вырост. Главные изменения связаны с тем, как нынче играет Годунова Александр Феклистов, возникли глубина и масштаб, по-новому — горше, драматичнее звучит монолог "Достиг я высшей власти". Отдадим должное организаторам — мощное начало придало фестивалю разбег, всю неделю его участники обсуждали "Бориса". На другой день после показа состоялись занятия Лаборатории. Мы публикуем тексты выступлений Деклана Доннеллана и Валентина Непомнящего, пушкинист счел необходимым высказать английскому режиссеру свое мнение о спектакле. Продолжение разговора о фестивале в следующем номере "ЭС".

скую пьесу, мне сразу хочется сказать, что вряд ли кому-то из режиссеров, работающих над Шекспиром, так уж помогает обстоятельство, что он был английским драматургом. Но есть важный момент. В России существует миф о "РОССИИ" (это слово Доннеллан произносит по-русски). Когда я говорю, что люблю "РОССИЮ" — это неправда, я люблю русских людей. Как чужой, приезжий, я вижу очень острый конфликт между русским народом и "РОССИЕЙ". Я не верю в "РОССИЮ", точно так же, как не верю в United Kingdom, в Британскую империю. Первыми жертвами Британской империи были конкретные люди, жившие рядом с Лондоном. Наш король Тюдор, так же, как ваш Иван Грозный и его предшественники, расширял империю за счет народа, который был против. Вспомним Псковскую республику. У всех институтов власти есть общее. КГБ, ИРА, католическая церковь, войны, революции — существуют для самосохранения, для поддержания самих себя. Когда начинается война, ее трудно закончить. Война контролирует людей, а не наоборот. Когда мы встречаем людей, стоящих во главе институтов, мы обращаем внимание на то, что чем больше у них власти, тем острее они чувствуют свое бессилие. Они не замечают, что те структуры, которыми они управляют, на самом деле, управляют ими.

Нужно очень трезво смотреть на институты власти.

У каждого из нас внутри тоже есть "институт", это наша самоидентификация. Она и институт всегда в конфликте. Думаю, величие "Бориса Годунова" состоит в том, как глубоко в нем изучается природа личности. Кто такой Гришка Отрепьев? Он называет себя сыном Ивана Грозного и в каком-то смысле, действительно, становится Димитрием. Говорить, что он — лишь лгун, означает не понимать пьесу. В большинстве своем люди не лгут. Я не хочу думать, что Деклан — лгун. Поэтому, когда Деклан приходится лгать, он убеждает себя в том, что ложь — правда. Иногда люди лгут, но большинство верят в то, что говорят правду. Очень опасно, если мы этого не понимаем.

Что значит для Бориса быть царем? Я пытаюсь представить себе, как это было. Идея самоидентификации личности связана с чувством вины. Реальность такова, что Борис не знает, был ли убит царевич. Возможно, он сказал, что хочет, чтобы ребенок умер, и вот через пять дней ребенок умирает при таинственных обстоятельствах. Это знание-незнание перерастает в чувство вины, чувство вины из-за чего-то, случившегося в далеком

прошлом, его вины или даже его родителей. Или вины от первородного греха, от которого мы все страдаем. Пьеса об этом.

Владимир Рецпер: Не могли бы вы подробнее рассказать о вашей работе с русскими артистами?

— Мне постоянно задают этот вопрос. В вашей стране легко создаются группы. Наверное, это связано с советской системой. В театре — создание таких групп, без сомнения, положительный момент. Когда я ставил спектакль в Малом драматическом театре, я знал, что буду работать с ансамблем Льва Додина. Я предпочел бы ставить плохую пьесу с хорошими актерами, чем наоборот. Думаю, что и вы предпочли бы видеть такой спектакль. Когда я приехал к Додину в Петербург, у меня уже был подготовленный ансамбль. Когда Конфедерация театральных союзов пригласила меня ставить "Бориса Годунова" в Москве, я волновался, смогут ли артисты из разных театров составить ансамбль.

И в Англии, и во Франции большая часть времени и усилий уходит на подготовительную работу, прежде чем мы начнем работать с текстом. Московские артисты сразу смогли образовать ансамбль, и мы очень быстро приступили к тексту.

Русские актеры уважают себя — это очень

хорошо. В разных странах — свои особенности. В Индии одновременно сосуществуют покой и хаос. В Англии — замкнутость и слышанное насилие. В России — унижение людей и самоуважение. У русских актеров плохая зарплата, они унижены, но тем не менее они больше, чем в других странах, уважают себя. Здесь в России актеров уважают. На Западе уважение нужно заслужить. Но когда ты его заслуживаешь — выясняется, что слишком поздно. Я работал с одной звездой мюзикла, когда был начинающим режиссером. Она была настоящим монстром во время нашей работы. Потом был большой успех и ей захотелось переписать историю наших отношений. Она сказала мне: "Вы — прекрасный режиссер!" А я ответил: "Слишком поздно". Уважение должно быть изначально, а не в зависимости от результата.

Олег Пивоваров: Означает ли сказанное вами, что для вас не существует языкового барьера? Вряд ли вы чувствуете нюансировку слова в "Борисе Годунове". Вы доверяете ее актерам?

— Я очень рад вашему вопросу. Он связан с моим следующим проектом — спектаклем по средневековым мистериям. Они написаны на староанглийском, похожем на старославянский. Это язык, существовавший до Шекспира. Сегодня понятно одно слово из трех. Мне бы хотелось поставить эти пьесы в оригинале. Хотя мы и не понимаем, как это должно звучать по-настоящему. Нужно придумать, как оно могло звучать. В Великобритании существуют разные языки, диалекты. Для нас странно звучит американский акцент. Ирландский — совсем другое дело. Я хочу собрать в Австралии англоязычных актеров из разных англоговорящих стран и поставить с ними те средневековые пьесы, о которых я говорил. Спектакль будет идти с титрами, чтобы было понятно всем. Я часто работаю с актерами, говорящими на разных языках, например, я ставил в Финляндии, где совсем другой язык. Иногда это даже лучше, ведь когда человек лжет, он говорит слишком быстро или слишком медленно. Но ты видишь — он врет. Текст ведь не только слова. Слова — только поверхность, оболочка. Если нет этой "оболочки", иногда даже лучше понимаешь человека.

Проблема перевода существует, но не нужно ее абсолютизировать. В Англии есть национализм. Мы с Ником Ормеродом поставили "Сида" Корнелю. Пьеса не шла 350 лет. Почему? Из-за гностицизма. 350 лет считалось, что александрийский стих, Расин, Корнель непереводимы на английский язык. Это настоящая ересь.

Возвращаясь к Пушкину. Наши языки очень разные, но это неважно. Я могу чувствовать его легкость, воздушность, могу понять его легкую иронию, боль, ужасную печаль, улыбку сквозь слезы. У меня есть дословный перевод, я могу следить за словами. Мне кажется, ставить Достоевского было бы намного сложнее. Пушкин доступнее. Так же, как Шекспир доступнее Томаса Харди.